

М.В. СКРЖИНСКАЯ

**РЕАЛЬНЫЕ И МИФИЧЕСКИЕ НАРОДЫ В ИЗОБРАЖЕНИЯХ
НА ПАМЯТНИКАХ ИСКУССТВА ИЗ АНТИЧНЫХ ГОРОДОВ
СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ (VI- IV вв. до н. э.)**

Представители реальных и мифических народов постоянно привлекали внимание древнегреческих художников. Они чаще всего изображали эллинов или фольклорных героев, имеющих тот же облик. Гораздо реже объектами изображений становились иноземцы с их особыми чертами внешности и костюма, но именно о них пойдет речь в этой статье.

Среди интересующих нас персонажей на аттических вазах VI- IV вв. до н.э. есть люди, одетые в восточные костюмы и вооруженные луком и стрелами. Они появляются на росписях ваз, привезенных в Северное Причерноморье в конце VI – первой трети V вв. до н. э. (№ 1- 7)¹. Традиционно этих воинов называют скифами, но в последнее время некоторые исследователи опровергают такое отождествление [Яценко 2000, с. 25; Иванчик 2002]. А.И. Иванчик утверждает, что ни аттические вазописцы, ни зрители данных росписей не считали их скифами и вообще не соотносили с каким-либо определенным этносом [Иванчик 2002, с. 41]. Сторонники этой точки зрения не отвечают на вопрос, почему между 520 и 480 гг. до н.э. аттические вазописцы детально изображали костюм и вооружение этих воинов, а позже многие реальные наблюдения были утрачены. В то же время М. Вос, рассмотрев более 600 подобных изображений, доказывала, что художники писали их с натуры, так как в названный промежуток времени скифские лучники служили наемниками в афинской армии и чаще всего имели дело с конями. Когда же афиняне перестали привлекать этих варваров на военную службу, изображения скифов и амазонок, одетых по-скифски, утратили многие этнографически точные детали, а их одежда превратилась в некий обобщенного вида восточный костюм [Vos, 1963, p. 40- 50; 80-81].

В задачи настоящего исследования не входит обсуждение вопроса, кто служил вазописцам реальным прототипом «скифских лучников». Я полагаю, что такие изображения у греков Северного Причерноморья ассоциировались с их соседями, скифами, так как других народов в подобных костюмах почти

¹ Здесь и далее в скобках указаны номера приложенного к статье каталога изображений реальных и мифических народов на памятниках искусства из Северного Причерноморья.

Рис.1. Гоплиты, сражающиеся со скифом. Чернофигурная ойнохойя из Пантикапея. Конец VI в. до н.э.

никто из местных эллинов не видел. Однако они узнавали на рисунках не своих современников, с которыми приходилось сталкиваться в реальной жизни, а героев эпических поэм и фольклорных преданий. Так как иллюстрировались события давно минувшего времени, то не имело значения, если на росписях ваз были какие-то небольшие несоответствия с костюмом и вооружением соседей северных эллинских колоний.

В античной литературе уцелело лишь одно краткое упоминание о скифах в греческом эпосе. Страбон (XII, 3. 22), сославшись на утраченные теперь сочинения, упомянул предание об участии в Троянской войне кочевников, прибывших из-за Борисфена, и назвал это выдумкой позднейших времен. Действительно, скифы появились в Малой Азии спустя несколько столетий после знаменитой войны. Геродот (I, 104- 106) написал об их военных походах в VII в. до н.э. и господстве в Азии в течение 28 лет. Знакомство со скифами сначала в греческих малоазийских городах, а затем в колониях на берегах Понта дало возможность грекам узнать о воинственности этих племен и об их коннице. Наверное, практика привлечения скифов во вспомогательное войско своеобразно отразилась в одной из поэм Троянского цикла, о содержании которой можно судить лишь по вазовым рисункам. Скифы выступали там союзниками троянцев. На амфоре последней трети VI в. до н.э. нарисовано сражение Диомеда и Гектора над телом поверженного Скифа. Около всех трех фигур написаны их имена. Убитый воин одет в греческий хитон, но на голове у него восточная шапка, а у пояса горит. Это указывает, что Скиф не просто имя, но и национальность этого персонажа. Но в большинстве случаев скифы выделяются только своим костюмом и вооружением. Особенно выразителен рисунок на одной чернофигурной гидрии: на стенах Трои стоят несколько гоплитов и воин в восточном одеянии, а из ворот города выезжает боевая колесница и выходит гоплит вместе со скифским лучником [Vos, 1963, p. 34- 39].

Иллюстрации греческого эпического сказания об участии скифов в сражениях далекого прошлого нечасто встречаются на вазах из Северного Причерноморья. Такова роспись чернофигурной ойнохойи из Пантикапея (№ 5). Два воина в шлемах с опущенным забралом поражают копьями скифа в характерной остроконечной шапке и с горитом у пояса (рис. 1). Вышедшие к тому времени из употребления беотийские щиты гоплитов указывают зрителю, что это сцена из эпоса. Еще на двух чернофигурных вазах имеются подобные иллюстрации (№ 2, 7): на одной показано единоборство защищающегося беотийским щитом гоплита со стрелком в скифском костюме с горитом у пояса (рис. 2), на другой нарисован скиф в характерной одежде ря-

дом с греческим воином, прощающимся с женой. Труднее определить смысл рисунка на чернофигурном лекифе, где скиф представлен между двумя лошадьми (№ 3). К этой серии сюжетов относятся и обломки сосудов с частично уцелевшими фигурами в скифских шапках (№ 1, 4).

Когда в VI в. до н.э. родилась легенда об объединении скифов с амазонками в один народ, вазописцы стали изображать воинственных женщин в скифском костюме и вооружении. На краснофигурных сосудах зачастую трудно отличить амазонок от молодых безбородых скифов. Мастера же чернофигурного стиля выделяли у женщин, в том числе и у амазонок, белым цветом лицо и незакрытые части рук и ног. Это позволяет считать ошибочным определение сюжета картины на чернофигурном лекифе в двух изданиях ваз Одесского музея (№ 6), где сказано, что там нарисованы два греческих всадника и пленная амазонка. Однако лица греков и «пленницы» одного цвета, поэтому это не амазонка, а молодой скиф, и он не пленник, а помощник воинов.

Аттические вазописцы тщательно рисовали вооружение скифов, в частности не употреблявшиеся эллинами составной лук и горит, представлявший футляр с двумя отделениями для лука и стрел. У греков же в колчане хранились только стрелы, и они пользовались этим оружием в основном на охоте, а не на войне. Горит имел характерное очертание, его украшали различными орнаментами, а к крышке прикрепляли хвост какого-нибудь пушистого зверя. Скифы носили горит обычно слева на перевязи, охватывающей шею и плечо, и дополнительно закрепляли его на поясе, греки же перебрасывали ремень колчана только через плечо [Vos, 1963, p. 50]. Это детально нарисовано на алабастре (рис. 3), хранящемся в Одесском музее (№ 15), на других же вазах из Северного Причерноморья горит изображен силуэтно, а на одном лекифе он обозначен у правого бока воина (№ 3).

В отличие от греческого скифский лук был составным и имел выступ посередине [Черненко, 1981, с. 19-21]. Он был на вооружении и у других восточных народов, но эллины с архаического периода называли такой лук скифским, о чем известно из ссылки Аммиана Марцелина (XXII, 8, 10) на Гекатея Милетского, сравнившего очертание Черного моря со скифским луком. На лекифе со сценой охоты из Пантикапея

Рис. 2. Сражение гоплита со скифским лучником. Чернофигурный алабастр из Северного Причерноморья. 470 гг. до н. э.

Рис. 3. Подготовка к поединку грека и амазонки. Краснофигурный алабастр из Северного Причерноморья. Конец VI в. до н. э.

Рис. 4. Охота на кабана ланей и грифонов. Прорисовка картины на лекифе из Пантикапея. 380 гг. до н. э.

(№ 9) изображены оба вида луков: греческий у охотника с эллинским именем Клитий и скифский у охотника в восточном костюме (рис. 4). Вазовые рисунки показывают разные моменты стрельбы из лука. Готовясь к бою, стрелок проверял прямизну стрелы (рис. 3), во время сражения скиф стрелял, сидя на коне, либо стоя или опустившись на колени. Даже стреляя, скиф умел держать в руке наготове несколько стрел, чтобы не тратить время на вынимание их из горита (рис. 2).

Костюм скифа состоял из облегающих шаровар и рубашки или куртки. Они запахивались крест накрест, образуя у шеи острый вырез. Их низ либо заправлялся в шаровары (№ 15), либо оставался поверх них (№ 3, 5). Дорогую одежду расшивали различными орнаментами, которые с особой тщательностью переданы в костюме амазонки на рисунке Псиакса (рис. 2). В VI – начале V вв. до н.э. изображались два вида жестких скифских шапок. Одни, которые не встречаются на более поздних памятниках искусства, имели стоячий острый выступ над макушкой (рис. 1), у других верх был округлый (рис. 3). Более редкая остроконечная шапка показана на двух вазах из Порфмия и Пантикапея (№ 3, 5), а на остальных рисунках уборы второго типа. Скифские шапки, сшитые из плотной ткани или кожи, имели уши, опускавшиеся на затылок и плечи. Такие шапки согревали в холодную погоду, а также защищали голову и шею от ударов легкого оружия.

Наверное, в классический период становятся непопулярными эпические поэмы и легенды с участием скифов, их иллюстрации уходят из репертуара художников. В IV в. до н.э. греческие ювелиры исполняли великолепные золотые и серебряные вазы и нашивные бляшки с реалистическими фигурами скифов. Они найдены в скифских курганах, но не обнаружены на греческих городищах и некрополях. Таким образом, можно думать, что эллинов Северного Причерноморья совсем не интересовали сюжеты с изображениями их соседей,

которых они хорошо знали в реальной жизни. Итак, на памятниках искусства из античных государств Северного Причерноморья скифы встречаются на произведениях архаического периода. Исключение, возможно, составляет известняковый рельеф эллинистического времени, найденный на Тамани. Представленную на нем сцену сражения одни исследователи интерпретируют как сражение между скифами, а другие как амазономахию. Но все согласны, что на рельефе реалистично изображен скифский костюм [Боспорский рельеф, 2001].

На аттических вазах из Северного Причерноморья эпизодически встречаются персы и фракийцы. Эллины хорошо знали их реальный облик, но не часто обращались к их изображениям. На лекифе афинского мастера Ксенофанта представлена охота с участием персов, греков и персонажей в восточных костюмах. Персов и греков определенно можно узнать по написанным рядом с ними именам: Аброком, Дарий, Кир, Артамис, Клитий и Эвриал (рис. 4). Не случайно у Клития в руках лук греческого типа, а у варвара – скифский. Характерный фракийский плащ нарисован на всаднике, изображенном на чернофигурном лекифе из Ольвии (№ 8). Единичные находки подобных изображений показывают, что они не играли сколько-нибудь заметной познавательной роли относительно персов и фракийцев.

У греков издавна существовали предания об амазонках, воинственных женщинах, живущих на краю ойкумены. В фольклорных и литературных произведениях рассказывалось, что они ненавидят мужчин, используют их в своем обществе лишь в роли рабов, либо вообще обходятся без них, встречаясь изредка с представителями противоположного пола для продолжения своего рода. После рождения детей амазонки оставляют в живых исключительно девочек и воспитывают их по своему подобию. В сочинениях античных авторов неоднократно упоминается о нападениях амазонок на греческие города и о сражениях с ними прославленных героев. Эти события относили к далекой древности. Тогда в битвах с амазонками побеждали Тесей и Геракл, а войско воинственных женщин, пришедшее на помощь троянцам, потерпело поражение, и Ахилл убил их царицу Пентесилею.

Эллины полагали, что одноглазые аримаспы, подобно амазонкам, обитали также на краю ойкумены; где-то в далекой стране они воевали со сказочными грифонами, сторожащими золото. Это описывалось в поэме Аристея Проконесского «Аримаспея», от которой уцелели к настоящему времени незначительные фрагменты. Возможно, в этом сочинении отразились полученные в конце VII-VI вв. до н.э. сведения о каком-то конкретном азиатском народе за Уралом, но уже в V в. до н.э. рассказы об одноглазых людях воспринимались как мифологические (Her. III, 116).

Предания об амазонках и аримаспах имели одну общую черту, существенную для понимания их роли в сознании греков: они населяли крайние пределы известного мира, за которым простиралось потустороннее царство. Туда уходили души умерших, а на границе двух миров казались возможными всякие чудеса, в том числе существование полуфантастических людей и чудовищ

многое добавлять по собственному воображению. Наиболее ранние изображения амазонок лучше всего сохранились на аттических вазах, во множестве вывозившихся во все греческие города Северного Причерноморья. Здесь древнейший килик с амазономахией обнаружен в Пантикапее, он расписан в 570-560 гг. до н.э. (№ 10). Более поздние вазы с изображениями амазонок найдены при раскопках большинства крупных античных поселений на Понте Евксинском. Сначала вазописцы изображали амазонок в греческой одежде и вооружении (№ 10-13). Лишь белая краска на лице и других открытых частях тела указывала, что это женщины, сражающиеся с эллинами в таких же высоких шлемах, коротких хитонах, с копьями и щитами в руках. Такая традиция изображать амазонок в греческом костюме навсегда укрепились в монументальной скульптуре. Достаточно напомнить римские копии статуй раненых амазонок знаменитых греческих скульпторов Поликлета, Фидия и Кресилая [Виппер 1972, рис.199, 210, 211]. То же самое наблюдается и в Северном Причерноморье. Скульптуры амазонок в греческих хитонах украшали фронтон пантикапейского храма и рельеф из херсонесского театра эллинистического времени (№ 34, 35).

Аттические вазописцы живо откликнулись на новые рассказы об амазонках в Северном Причерноморье, начав рисовать их в скифских костюмах. Великолепный образец подобного рисунка представлен на сосуде для благовонного масла из Одесского музея (№ 15). Псиакс, один из лучших вазописцев конца VI в. до н. э., изобразил подготовку к единоборству грека и амазонки. Обнаженный греческий юноша имеет шлем, щит, поножи, то есть все атрибуты воина, готового вступить в сражение. Шлем находится в поднятом, а не в боевом положении; жест правой руки указывает на тренировку в движении при бросании копья. Амазонка проверяет прямизну стрелы, от чего зависит точность ее полета. Лук скифского типа висит на согнутой руке амазонки, а через плечо на перевязи прикреплен горит, футляр для лука и стрел, характерный именно для скифского боевого снаряжения. Одежда, расшитая разнообразными узорами, и шапка, украшенная цветком, указывают, что перед нами царица, а не рядовая амазонка (рис. 3). Поэтому в ее противнике надо видеть Ахилла или Тесея (но не Геракла, всегда выделявшегося характерными атрибутами), которые, согласно широко распространенным мифам, вступали в единоборство с царицами амазонок.

В VI-V вв. до н.э. сцены с амазонками по большей части украшали употреблявшиеся в повседневной жизни килики, скифосы, ойнохойи, ольпы, амфоры и алабастры. В изображениях битв и поединков с амазонками эллины видели иллюстрации к своей древней истории; недаром ораторы называли поражение амазонок в Аттике в числе реальных исторических побед афинян (Isocr. IV, 42; VII, 75, XII; 193; Dem. XI, 8), а составители «Паросской хроники» включили нападение амазонок на Афины в ряд достоверных исторических событий.

Поэтому есть все основания полагать, что греки в Северном Причерноморье считали достоверным фактом прибытие амазонок на берега Меотиды

Рис.5. Сражение греков и амазонок. Краснофигурная пелика из Ольвии. Конец IV в. до н.э.

и их браки со скифами, в результате чего появилось новое племя савроматов. Кроме этого предания здесь были известны и классические мифы об амазонках. Их знали из эпических поэм, а иллюстрации к ним украшали привозные аттические вазы. От них в основном уцелели лишь мелкие фрагменты, по которым затруднительно определить, сюжет какого именно мифа изображен художником (№ 10- 16, 20- 33). Определенно можно говорить лишь об иллюстрациях битвы Геракла с воинственными женщинами (№ 17- 19). Если на картинах не было подписей или характерных атрибутов героев, то в зависимости от своих знаний мифологии зрители могли отождествить рисунки с тем или иным сказанием об амазонках.

В первые десятилетия V в. до н.э. в городах Северного Причерноморья исчезает интерес к вазам с амазономахией, хотя афинские художники не отказываются от этого сюжета; однако теперь у них нет перед глазами живых моделей в виде скифов, и костюм амазонок становится все более схематичным.

В IV в. до н.э. вазы с амазонками в большом количестве вновь стали пользоваться большим спросом на северных берегах Понта, особенно на Боспоре. Сосуды с подобными сюжетами в незначительном числе найдены также в Элладе, Малой Азии и Южной Италии. Статистика находок дает основание сделать вывод, что такие вазы расписывались в аттических мастерских в основном для ввоза в Боспорское царство с учетом вкусов местного населения [Schefold 1934, S.1; Кобылина 1951, с.169]. Находки последних лет и публикации археологических материалов из фондов музеев показывают, что вазы с интересующими нас сюжетами встречаются в Тире, Ольвии и Херсонесе не эпизодически, как считалось прежде, а в достаточно заметном количестве (№ 21, 25, 28, 32, 37, 41, 43, 47, 48, 52, 60, 61).

Тогда же появляются и изображения аримаспов. Аристей, а вслед за ним Геродот (IV, 13) считали аримаспов нескифским племенем, живущим в Азии по соседству с исседонами, и называли аримаспов самым отдаленным народом, о котором имелись какие-то достоверные сведения. Рассказывали, что они воюют с грифонами, охраняющими золото, и что у этих почти сказочных людей всего один глаз. Для большинства эллинов северными народами, живущими на грани реального и потустороннего мира, были скифы и савроматы, поэтому аримаспов причислили к скифским племенам (Diod. Sic. II, 43, 5). Этим объясняется, почему вазописцы рисовали аримаспов в скифском костюме.

В IV в. до н.э. функции сосудов с подобными росписями становятся иными, чем прежде; их находят почти исключительно в некрополях, и эта

тематика их росписей связывается с погребальным ритуалом. В большинстве случаев это пелики, но есть также амфоры, гидрии, лекифы, кратеры и леканы (№ 28, 30, 31, 39, 40, 47, 51, 52, 54, 55). В III в. до н.э. боспорские вазописцы воспроизводили на так называемых акварельных пеликах сюжеты битв амазонок с греками, заимствуя композиции с более ранних аттических vaz (№ 33).

Амазонки и аримаспы стали не просто врагами, а представителями грозного потустороннего мира. Вероятно, борьба с ними воспринималась не как противостояние сильному противнику, как было в классических мифах, а как сражение с существами, несущими смерть [Schefold 1934, S. 150, 194; Шталь 1989, с. 147]. Аримаспов всегда изображали в скифском костюме (№ 62- 73), а амазонок иногда в греческих хитонах (№ 25; рис. 5). Вероятно, это можно объяснить тем, что в монументальном искусстве амазонки не меняли свой костюм на скифский, а вазописцы зачастую копировали картины и скульптуры.

Конные и пешие амазонки на таких вазовых рисунках представлены в различные моменты схваток с пешими воинами- греками. Одни изображены в процессе боя, другие лежат поверженные. О.В. Тугушева [2001 с. 227] детально проанализировала композиции подобных росписей IV в до н.э. и пришла к выводу, что амазонкам, как правило, отводится центральное место на картине, они чаще, чем их противники, выступают в роли нападающей и атакующей стороны, и по изображениям можно заключить, что они побеждают (рис. 6). Это резко отличается от картин на вазах VI- V вв. до н.э. и от изображений, выполненных скульпторами и ювелирами, работавшими одновременно с вазописцами IV в. до н.э. Например, на фаларах из кургана Большая Близница (рис. 7) безусловно прославляются победы греческих героев (№ 29).

Среди подобных vaz самая насыщенная фигурами композиция украшает большую пелику из Ялтинского музея (№ 24). Она, по всей вероятности, найдена при раскопках Боспора и относится к произведениям последней четверти IV в. до н.э. На лицевой стороне сосуда в центре нарисована амазонка на коне, вставшем на дыбы; всадница пригнулась к шее лошади и, обернувшись назад, угрожает копьём противнику, находящемуся за ее спиной, а он пытается поразить амазонку своим копьём, одновременно прикрываясь щитом от ее удара. Справа сражаются амазонка с боевым топориком

Рис.6. Сражение конной амазонки с греками. Краснофигурная пелика из Пантикапея. Середина IV в. до н.э.

Рис.7. Сражение греков с амазонками. Бронзовый фалар из кургана Большая Близница. Вторая половина IV в. до н.э.

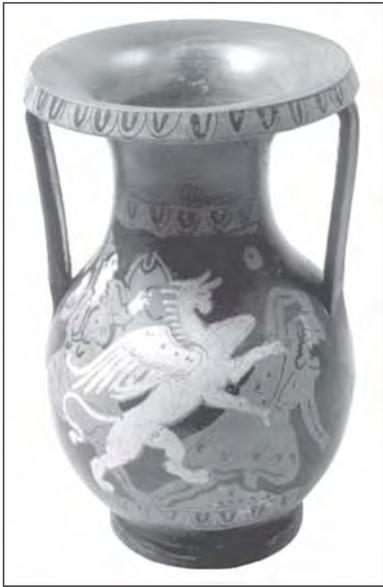

Рис. 8. Сражение амазонок с грифоном. Краснофигурная пелика из Пантикапея. Вторая половина IV в. до н. э.

Рис. 9. Сражение конного аримаспа с грифоном. Краснофигурная пелика из Пантикапея. Третья четверть IV в. до н. э.

и греческий гоплит. У ног ведущих бой находятся четверо раненых: слева амазонка и грек, бьющиеся, стоя на коленях, справа две силящиеся подняться амазонки, одна из которых пытается поразить мечом отступающего грека. На оборотной стороне пелики представлены всадница, сражающаяся с греком, пешая амазонка, отражающая удар противника, и лежащая поверженная амазонка.

Наряду с традиционными сражениями амазонок с греками художники IV в. до н.э. ввели в свой репертуар новый сюжет, неизвестный сейчас в сохранившихся произведениях античных авторов: амазонки, подобно аримаспам, вступают в бой с грифонами (№ 36- 46). Их рисуют крылатыми существами с телом льва и орлиной головой на длинной шее с гребнем (рис. 8-11), реже с головой рогатого льва; иногда позолоченные шарики рядом с этими чудовищами напоминают предание о том, что они сторожили золото (Her. IV, 13); таков, например, рисунок на лекифе из Пантикапея (№ 39). В этом сюжете преимущество чаще на стороне грифонов.

Часто трудно решить, изображена ли на вазе битва грифонов с конными и пешими аримаспами или с амазонками, так как мастера краснофигурной вазописи в отличие от своих предшественников, рисовавших в чернофигурном стиле, редко пользовались белой краской для выделения открытых частей тела женщин, а выпуклость груди у амазонок вазописцы не рисовали. Например, одна пелика из Пантикапея украшена рисунком с редкой композицией: два грифона сражаются с возницей, управляющим боевой колесницей. К. Шефолд называет его аримаспом, а М.М. Кобылина – амазонкой (№ 44). Мне кажется предпочтительным последнее толкование, ведь на вазах IV в. до н.э. в битвах с греками амазонки иногда выступают на боевых колесницах (№ 27), а убедительных параллелей для подобного изображения аримаспов найти не удастся.

С уверенностью можно определить амазонок, когда они, их лица, руки и ноги окраше-

ны белым цветом, например, на лекифе из Пантикапея лицо и рука противника грифона выделены белой краской, что позволяет признать здесь амазонку, а не аримаспа, как сказано в одной публикации этой вазы (№ 39). Аримаспы безусловно определяются, когда у них на голове нет шапки и видна короткая мужская прическа (рис. 9), как на пеликах из Нимфея и Пантикапея (№ 62,

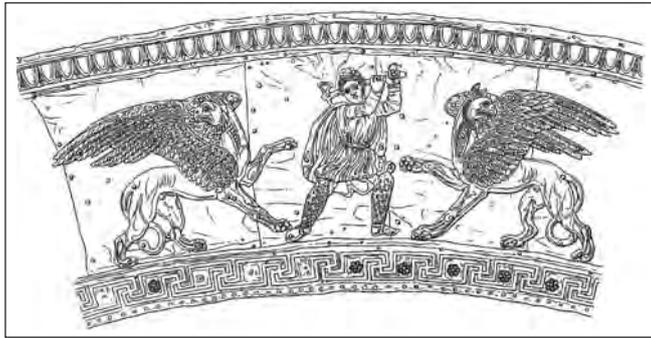

Рис. 10. Сражение амазонок с грифонами. Прорисовка рельефа на золотом калафе из кургана Большая Близница. 330- 300 гг. до н. э.

66). В прочих случаях, возможно, амазонку от аримаспа отличали выбивающиеся из-под шапки пряди волос [Кобылина, с. 142; 143; рис. 6].

Рассказы о сражениях с грифонами пользовались столь большой популярностью на Боспоре, что их иллюстрации заказывали не только вазописцам. Золотой калаф жрицы, погребенной в конце IV в. до н.э. в кургане Большая Близница, украшен подобным сюжетом (№ 45). На рельефе этого головного убора противники грифонов определяются в научной литературе то как аримаспы, то как амазонки. На мой взгляд, это, несомненно, амазонки, так как одна фигура изображена в фас и имеет оба глаза (рис. 10), а отличительной чертой аримаспов было наличие одного глаза. На рельефном украшении бронзового таза, найденного в одном погребении на Тамани, изображен грифон, терзающий поверженную амазонку (№ 46). У нее длинные волосы, а хитон не закрывает женскую грудь, поэтому нет сомнений, что это не аримасп. В обеих композициях заметно, что преимущество на стороне грифонов.

Отсутствие в уцелевших письменных источниках сюжета о борьбе амазонок с грифонами до сих пор продолжает оказывать влияние на интерпретацию смысла некоторых произведений искусства. Например, на мраморном трофее с острова Родос представлена хорошо известная по вазописи группа: амазонка в греческом хитоне между двумя грифонами; однако в описании памятника сказано, что это аримасп [Ridgway 2002. p. 80], хотя лицо изображено в фас и имеет два глаза.

В мифах об аримаспах говорилось не только об их нападениях на грифонов, но и о том, что чудовище можно приручить, если поймать его детенышем (Ael. De nat. Anim. IV, 27). Вероятно, это предание было знакомо художнику, расписавшему пелику из Пантикапея с изображением аримаспа верхом на грифоне (№ 72).

В некрополях Боспора, Ольвии и Херсонеса нередко встречаются пелики и леканы, украшенные головами коня или грифона рядом с женской головой в греческом чепце, либо в скифской шапке (№ 47-61). Скорее всего, это амазонки

Рис.11. Голова амазонки и коня. Краснофигурная пелика из Пантикапея. Вторая половина IV в. до н.э.

[Schefold, 1934, S. 147-148], так как тип изображения голов сходен с рисунками амазонок на других вазах, а кони и грифоны присутствуют в сценах амазономахии (рис. 11). Изредка голова амазонки изображена рядом с ее оружием – секирой (№ 47). Обычно же рядом с ней либо одна голова коня (№ 48- 50) или грифона (№ 53), есть росписи, где показаны сразу амазонки, грифоны и кони (№ 56- 60), или композицию из трех голов представляет амазонка в центре между грифонами (№ 61), а на крышках лекан рядом с головой амазонки бывает помещен лежащий грифон (№ 52).

В период эллинизма в Северном Причерноморье не забывали и традиционные мифы о сражениях амазонок с греками. Это подтверждается рядом археологических находок, не относящихся исключительно к погребальному обряду. Например, одна пелика с подобным сюжетом обнаружена при раскопках ольвийского святилища (№ 25), а на Боспоре такие изображения украшали ткань одежды (№ 23) и фалары на конской узде (№ 29). Последние отличаются тонкой работой мастеров, работавших, по-видимому, в Южной Италии [Трейстер, 2001, с. 252], и входят в число предметов роскоши, привозившихся на Боспор. Ювелиры детально воспроизвели сложные композиции, поместившиеся на небольшом круглом поле изделия (рис. 7). На одной группе фаларов обнаженный грек стаскивает амазонку с коня, а у его ног лежат поверженные греческий воин и амазонка, на другой серии пеший воин в мускульной кирасе атакует амазонку мечом, а вторая раненая лежит у его ног, третья серия фаларов близка ко второй, но воин обнажен, и его щит и меч повернуты иначе [Трейстер, 2001, с. 244, рис. 1-3]. Такие издавна известные сцены амазономахии украшали предметы, использовавшиеся на войне: панцири, кирасы, узду коней [Трейстер, 2001, с. 253- 258]; сюжет напоминал о давних победах эллинов и призывал повторить их подвиги.

Итак, в литературе и искусстве отразились два комплекса мифов об амазонках в Северном Причерноморье. Один из них возник на рубеже VII-VI вв. до н.э. в период освоения греками северных берегов Понта, куда переместилась родина воинственных женщин. Их фантастические образы переплелись с реальными наблюдениями быта кочевых племен, у которых в отличие от греков женщины владели оружием и искусством верховой езды. Неслучайно археологи постоянно находят в скифских погребениях наконечники стрел, а иногда мечи, копья и боевые пояса [Черненко, 1981, с. 125]. Изображения амазонок в скифском костюме на аттических чернофигурных и краснофигурных вазах

напоминали обладателям ваз во всех частях греческой ойкумены о том, что где-то в степях за Танаисом обитают воинственные героини мифов и легенд.

Второй круг мифов имел более позднее происхождение и пользовался особенной популярностью на Боспоре. В IV в. до н.э. художники обратились к изображению аримаспов, ранее упоминавшихся в немногих литературных произведениях. Аримаспы и амазонки стали знаменовать грозные потусторонние силы, с которыми встречается душа человека при переходе в загробный мир. Вазы с такими сюжетами в основном использовались при погребальных обрядах. Часто видно, что рисунки на них выполнены быстро и довольно обобщенно и небрежно.

Включение амазонок в образы, связанные со смертью, было свойственно эллинам не только в Северном Причерноморье; достаточно напомнить сцены амазономахии на знаменитом галикарнасском мавзолее. В середине IV в. до н.э. прославленные скульпторы Скопас, Бриксиад, Леохар и Тимофей изваяли на четырех сторонах погребального памятника правителя Карики Мавсола рельефы со сценами битвы эллинов и амазонок [Виппер, с. 244-245, рис.263-266]; женщины одеты в греческие хитоны, и лишь восточные шапки напоминают об их происхождении из полумифической страны. Упомянутый выше мраморный трофей, служивший надгробным памятником на острове Родосе, показывает, что и в эпоху позднего эллинизма сохранялось воспоминание о мифе, повествовавшем о сражении амазонок с грифонами на границе с потусторонним миром.

Из устных легенд и эпических поэм колонисты в Северном Причерноморье с древнейших времен имели сведения о двух африканских народах эфиопах и пигмеях. Действие популярного в среде боспорян мифа о сражениях пигмеев с журавлями разворачивалось в почти неизвестных южных областях Ливии. Многие античные авторы локализовали низкорослое племя пигмеев на южной окраине ойкумены где-то у истоков Нила, куда на зиму прилетают журавли (Her. II, 22, Aristot. Hist. anim. VIII, 12, 597). Согласно греческим преданиям, журавли ежегодно опустошали хлебные пашни пигмеев, а те уничтожали яйца журавлей и вступали с ними в битвы. Подробного изложения мифа не сохранилось, хотя ему была посвящена даже целая поэма «Гераномахия». Гомер в «Илиаде» (II, 2- 7) сравнил возгласы наступающих троянцев с криками журавлей, нападающих на пигмеев. Это свидетельствует о популярности мифа, так как в сравнениях использовались хорошо знакомые образы. Поэтому у нас есть основания думать, что греки в Северном Причерноморье, как и прочие эллины, детально знавшие гомеровские поэмы, издавна имели представление о том, что где-то на юге Ливии обитают пигмеи. Их бои с журавлями уже в VI в. до н.э. стали сюжетами картин на вазах. Древнейший образец такой росписи в Северном Причерноморье найден в Пантикапее и относится ко второй четверти V в. до н.э. (№74). Большинство более поздних vaz с этим сюжетом также обнаружено в некрополях Пантикапея (№ 83- 86)

Рис.12. Сражение пигмеев с журавлями. Краснофигурная пелика из Пантикапея. 380- 370 гг. до н.э.

и других городов Боспора (№ 75- 77), но редко за его пределами, например, на рельефе мегарской чашки из Ольвии (№ 80).

Для жителей Северного Причерноморья сюжет мифа обладал особой притягательностью, потому что сюда и в соседнюю Скифию журавли прилетали на лето из страны пигмеев. Аристотель в «Истории животных» (VIII, 12, 597 a, b) писал о перелетах журавлей из скифских равнин в Египет к неизведанным верховьям Нила. Как и всякому эллину, ему при этом припомнилось знаменитое сказание, о чем он вскользь упомянул: «Там, как говорят, журавли сражаются с пигмеями». Аристотель также выделил важную для понимания мифа уверенность греков, что из всех птиц именно журавли перелетают от одного края ойкумены к другому, а путь остальных перелетных птиц более короткий. Таким образом, журавли имели возможность заглянуть за пределы реального мира на его северных и южных границах.

Этот миф на Боспоре уже в IV в. до н.э. ассоциировался с представлением о пути души умершего в загробный мир. На пути покойного у границ с потусторонним царством происходят бои полумифических существ амазонок с грифонами и пигмеев – с журавлями. Такие образы существовали в среде боспорян не одно столетие, что подтверждается картиной сражения пигмеев с журавлями на исполненной местным художником фреске в пантикапейском склепе II- I вв. до н.э. (№ 81; рис. 14).

Вазы IV в. до н.э. с картинами битв пигмеев с журавлями обнаружены исключительно в некрополях. Это пелики, расписанные аттическими мастерами специально для вывоза на Боспор (№ 75- 79). Самая сложная композиция из числа подобных рисунков включает трех журавлей и четырех пигмеев (№ 75). Двое из них имеют негритянские черты лица, что намекает на действие мифа на юге Ливии. Венки на головах пигмеев указывают на их превосходство в сражении (рис. 12). На прочих вазах обычно три фигуры: два пигмея и один журавль или два журавля и пигмей (рис. 13).

Пигмеев рисовали одного размера с птицами, а иногда и уступающими им в росте. В этом, по всей вероятности, отразились какие-то сведения о низкорослых племенах, действительно обитавших в Африке; их упоминали в своих сочинениях Геродот (IV, 43), Аристотель (Hist. Anim. VIII, 12, 2), Страбон (VII, 2, 1) и др. В мотиве сражения журавлей с пигмеями отразилось представление греков о воинственном характере этих птиц (Aristot. Hist. Anim. 13, 3). Недаром поэты часто сравнивали крики наступающих воинов с жу-

равлиными (Hom. II, II, 459, III, 1- 7, Nonn. Dion. XIV, 331, Verg. Aen. X, 264, Val. Flac. Argon. III, 359).

О далекой Ливии, и в первую очередь о живших там египтянах, колонисты с давних пор имели некоторые известия. Трудно сказать, были ли в Северном Причерноморье в VI- V вв. до н.э. образованные люди, читавшие сочинения Гекатея и Геродота, подробно описавших Египет и всё, что тогда было известно о Ливии. Но несомненно выходцы из Милета имели сведения о Навкратисе, милетской колонии, основанной в устье Нила еще до освоения земель на северных берегах Понта Евксинского. В архаический период милетские купцы привозили в Ольвию и на Боспор изделия из алебастра и стекловидной массы, называемой египетским фаянсом, изготовленные египтянами, а также греками по египетским образцам в мастерских Навкратиса. Это были разнообразные небольшие сосуды для парфюмерии, бусы, подвески и амулеты [Фармаковский 1914, с. 18; Пиотровский 1958, с. 23- 26; Алексеева 1972].

Среди последних особо стоит выделить жуков-скарабеев. Греки заимствовали у египтян веру в магическую силу скарабеев, олицетворявших, по древним верованиям, бессмертие. Одна сторона амулета была выпуклой и воспроизводила спинку жука, а на другой, плоской и гладкой вырезали фигурки людей и животных или иероглифические надписи, так что эту сторону владелец мог использовать в качестве печати. После завоевания Египта персами в 525 г. до н.э. импорт из Навкратиса прекратился, но находки в некрополях показывают, что предметами из Северной Африки пользовались еще в начале V в. до н.э. [Большаков, Ильина 1988, с. 65- 67].

Купцы из Милета и некоторых других ионийских городов постоянно посещали греческие колонии как на юге, так и на севере освоенных эллинами земель. По их рассказам, жители Северного Причерноморья в архаический период знали о жизни своих соотечественников в Навкратисе и о нравах и обычаях их соседей египтян. Иероглифы на скарабеех давали представление о непривычном для греков виде письма. Те же купцы могли не только сообщить о чернокожем населении Африки, но иногда иллюстрировать свои рассказы на предметах изобразительного искусства. К таким образцам относится голова негра на печати VI в. до н.э., найденной на Березани (№ 82).

В античности чернокожих людей называли эфиопами (Hom. Od. IV, 84). Древнейшие упоминания о них содержались в эпических поэмах. Гомер представлял эфиопов счастливым племенем, живущим на краю земли, куда время

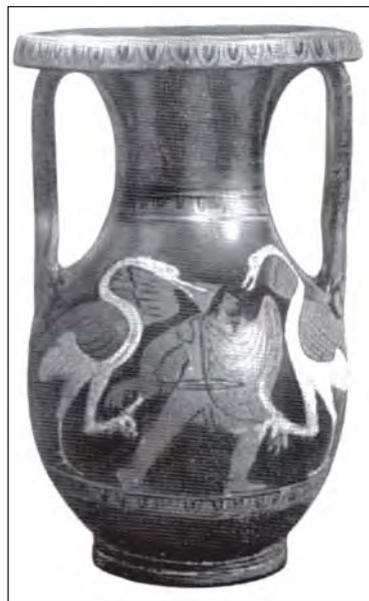

Рис.13. Журавли, нападающие на пигмея. Краснофигурная пелика из Пантикапея. 320- 300 гг. до н. э.

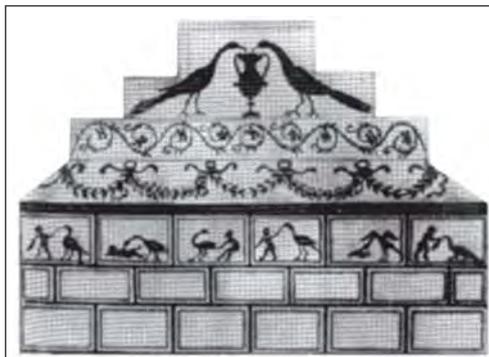

Рис.14. Сражение пигмеев с журавлями. Роспись пантикапейского склепа II-I вв. до н. э.

от времени отправляются сами боги (Ном. II. I, 423, Od. I, 23). Войска эфиопов во главе с их царем Мемноном, сыном богини Эос, помогали троянцам. Об этом повествовала поэма «Эфиопида», посвященная описанию заключительного этапа Троянской войны. Эллины в Северном Причерноморье знали эпические поэмы, так как Гомера учили в школах всех греческих государств, а «Эфиопида» была сочинением Арктина, уроженца Милета. Иллюстрируя эпизоды из эпоса, аттические вазописцы не раз изображали негров из войска Мемнона,

но самого царя рисовали таким же, как прочих героев Троянской войны. Хороший пример этого дают две чернофигурные вазы, расписанные выдающимся художником Эксекием в третьей четверти VI в. до н.э. На одной амфоре мы видим негра, сопровождающего Мемнона, который убивает Антилоха [Boardman, 1985, № 99], друга Ахилла, а на второй нарисован Менелай, наносящий смертельный удар негру из войска Мемнона [Frank, 1993, p. 45, fig. 7].

В начале V в. до н.э. в Ольвию и на Боспор стали привозить терракотовые статуэтки (№ 88) и аттические вазы с изображением эфиопов. В их числе были сосуды в виде фигур или голов негров и негритянок, исполненные на рубеже архаической и классической эпох (№ 84, 85), позже в городах Северного Причерноморья подобные сосуды встречаются уже в римское время (№ 93, 94). Картины с участием эфиопов украшают два алабастра и канфар из Пантикапея (№ 86, 87). Перечисленные сосуды предназначались для разных целей: фигурными пользовались при исполнении ритуалов в различных религиозных и особенно в заупокойных церемониях, алабастры служили вместилищем душистых масел, которыми натирали тело, а канфары были кубками для питья и для возлияний богам.

На чернофигурных алабастрах негры с характерными для них чертами лица нарисованы воинами, а стоящая рядом с одним из них пальма указывает на их происхождение из южных стран (рис. 15). Вазописцы не знали национальной одежды и вооружения своих героев, поэтому изображали негров в известных грекам варварских костюмах и снабжали соответствующим оружием. На алабастрах из Северного Причерноморья негры представлены в скифском вооружении с топориком, луком и колчаном, а на канфаре эфиопа одели во фракийский костюм с особым плащом и мягкой шапкой с ушами. Вооруженные негры на расписных вазах архаического периода, скорее всего, представляют воинов из войска Мемнона или из какого-то неизвестного нам сказания; ведь тогда мифы служили главным источником сюжетов росписей

ваз. Такое толкование подтверждается иллюстрациями и надписями на двух упомянутых амфорах мастера Эксекия.

На произведениях прикладного искусства из Северного Причерноморья эллинистического времени негры появляются на золотых подвесках и ожерельях из Пантикапея (№89, 90), на рельефах, украшающих кубок и на фигурном сосуде из Ольвии (№ 91, 92). В основном это декоративные головы негров, а сосуд из Ольвии изображает заснувшего слугу, ожидающего хозяина после ночной пирушки (№ 88).

В эллинистический период сведения о населении Северной Ливии становятся гораздо более обширными и определенными благодаря прямым контактам жителей Северного Причерноморья с Египтом. Там после распада державы Александра Македонского образовалось Египетское царство, которым сначала правил полководец Александра Птолемей Лаг (305- 283 г. до н.э.), прозванный Сотером (спасителем), а затем его наследники, носившие те же имена, но иные эпитеты. Расцвет могущества этого царства приходится на III в. до н.э., и именно к этому времени относится большинство наших источников о связях государств Северного Причерноморья с Египтом.

Во время правления династии Птолемеев официальным языком был греческий. Поэтому приезжие из Египта могли свободно общаться с жителями Тиры, Ольвии, Херсонеса и Боспора и рассказывать о своей родине. Доказательством таких контактов являются найденные в этих городах несколько надписей и граффити, а также перстни «птолемеевского типа». Многие из них украшены изображениями обожествленных египетских царей и цариц: среди них Птолемей II Филадельф (285- 246 гг. до н.э.) и его жена Арсиноя, Птолемей III Эвергет (246-221гг. до н.э.) и его жена Береника, а также Арсиноя, жена Птолемея IV Филопатора (221- 203 гг. до н.э.). Все эти перстни бронзовые (№ 95- 101; 104- 106), за исключением одного костяного, найденного в Ольвии (№ 102). По весьма вероятному предположению О.Я. Неверова [1974 с. 114], эти перстни принадлежали мореплавателям. Видимо, не случайно большинство упомянутых перстней украшены портретами двух Арсиной, потому что обожествленные царицы считались покровительницами мореплавания. Вот как писал об этом Посидипп, поэт III в. до н.э.

*В храм Филадельфовой славной жены Арсиной – Киприды
Морем и сушей нести жертвы спешите свои.*

Рис.15. Вооруженный эфиоп. Чернофигурный алабастр из Пантикапея. Первая четверть V в. до н. э.

*Эту святыню, царящую здесь, на высоком побережье
Зефирейды, воздвиг первый наварх Калликрат,
Добрый молящимся путь посылает богиня и море
Делает тихим для них даже в середине зимы.*

Перевод Л. Блуменау

Возможно, некоторые боспоряне, часто отправлявшиеся в морские поездки, восприняли веру в покровительство обожествленных египетских цариц, так как в боспорских некрополях найдено наибольшее в Северном Причерноморье количество перстней с их изображениями. Кроме того, есть предположение, что такие перстни принадлежали местным жителям, служившим наемниками в египетском войске [Литвиненко, 1991, с. 23].

Приезжие из Египта доставили в Северное Причерноморье самые ранние для этого региона изображения Сераписа и Исиды. К числу древнейших памятников такого рода принадлежит найденная в Пантикапее голова статуи из черного базальта, исполненная в середине III в. до н.э. (№ 103). Она представляет Арсиною, жену Птолемея Филадельфа в образе богини Исиды; возможно, статуя была подарком египетского царя [Виноградов, Золотарев, 2000, с.286].

Во многих греческих городах Серапис (в надписях из Северного Причерноморья его имя пишется Сарапис) стал одним из весьма популярных богов эллинистического времени. Его культ появился в Египте в результате деятельности Птолемеев, стремившихся сблизить веру местного населения и прибывших сюда греков. Серапис имел общие черты с несколькими греческими богами, и в первую очередь с Зевсом, а также с египетским Осирисом, поэтому почитание Сераписа сочеталось с культом Исиды, жены и сестры Осириса. Она считалась покровительницей мореплавания и морской торговли, богиней плодородия и владычицей душ умерших. В ее образе греки видели общие черты с Деметрой (Her. II, 59, 156) и с Афродитой в ипостаси покровительницы мореплавания, хорошо известной в античных городах Северного Причерноморья [Русяева 2005, с. 308].

Под влиянием связей с Египтом и распространившейся в эллинистический период общегреческой тенденции включать в свой пантеон восточных богов жители Северного Причерноморья начали поклоняться египетским богам [Иванчик, Самойлова, 2007, с.150]. Сначала их почитали частные лица, а затем эти боги вошли в число государственных культов. Об этом свидетельствуют найденные в Херсонесе посвянительные граффити эллинистического времени [Соломоник 1976, с. 136, рис. 13] и мраморная плита середины III в. до н.э., по-видимому, принадлежавшая алтарю, поставленному херсонеситом. Надпись гласит: «Хармипп, сын Притана (посвятил) по велению божьему Сарапису, Исиде, Анубису» [Виноградов, Золотарев, с. 284]. О том же говорят находки из Тире: терракота местной работы, изображающая

Сераписа [Клейман, 1970, с. 26, табл. 2, 2], и две надписи II- I вв. до н.э. [Иванчик, Самойлова 2007, с.152-153; IPE I² № 5] о благодарственном приношении Серапису, Исиде и чтимым вместе с ними богам, то есть Гарпократу и Анубису. Найденная в Ольвии серебряная статуэтка Сераписа, выполненная в III в. до н.э. [Алексеев, 2007, с. 45], является древнейшим памятником, указывающим на знакомство ольвиополитов с египетскими культурами.

Свидетельства об общении боспорян с жителями Египта по количеству и разнообразию занимают первое место среди государств Северного Причерноморья. Только о боспорянах можно с уверенностью сказать, что они посещали Египет, о чем известно по письменным источникам III в. до н.э. В надписи из Фаюма, относящейся ко времени правления Птолемея I, в числе греческих военных наемников названы два боспорянина Филоних и Мольпагор. По мнению Ю.Г. Виноградова, они были противниками царя Евмела и после его победы стали политическими беженцами, отправившимися служить в Египет [Виноградов, Золотарев, 2000, с.286]. В папирусе из архива Зенона, датированном 1 сентября 254 г. до н. э., содержится запись о послах, прибывших от царя Перисада II к Птолемею Филадельфу [Skeat, 1974].

В письме Аполлония своему помощнику Зенону говорится о том, чтобы он позаботился о предоставлении транспорта для поездки боспорских и аргосских послов к храму Арсенной. Возможно, там проходил большой праздник, который хотели показать этим послам. Таким образом, боспоряне видели в Египте не только Александрию, но и достаточно удаленные от нее места, так как для поездки потребовались наряду с экипажами вьючные мулы. Цель посольства в документе не названа; одни ученые определяют задачу переговоров как стремление разграничить сферы влияния в хлебной торговле [Гайдукевич, 1949, с. 77; Шургая, 1974, с. 51], другие полагают, что в это время Боспор уже не мог экспортировать много зерна, и послы договаривались о наемниках. В.П. Яйленко считает, что египетский корабль «Исида», изображенный на стене нимфейского святилища, привез опытных наемников для боспорского войска, нуждавшегося в помощи в борьбе с варварами [Яйленко, 1990, с. 303]. Есть мнение, что, наоборот, наемников для египетского войска вербовали на Боспоре для пополнения очень большой армии Птолемея [Литвиненко, 1991, с. 25].

Каковы бы ни были цели визитов послов от Перисада в Египет и корабля «Исида» в Северное Причерноморье, можно с уверенностью говорить, что некоторые боспоряне могли рассказать о населении Египта по собственным впечатлениям, а многие жители Боспора общались с приезжими из Ливии. Последние по своему этническому происхождению могли быть эллинами, македонцами и египтянами, а может быть, на наиболее тяжелых работах на кораблях использовали негров. Однако все они говорили по-гречески, так как этот язык был официальным и объединяющим все группы населения в птолемеевском Египте. Таким образом, между приезжими и местным населением не существовало языкового барьера.

Гавани античных городов Северного Причерноморья заполняли сравнительно небольшие торговые и военные суда. Их вид можно представить по рисункам на стене упомянутого нимфейского святилища и по другим изображениям в античных городах Северного Причерноморья [Петерс, 1982, с. 133-146]. Прибытие на Боспор огромного корабля из Египта было экстраординарным событием, которое, безусловно, обсуждали все местные жители. Греки всегда отличались повышенным интересом ко всему необычному. Аристотель (fr. 83 Rose) высмеивал множество зевак, которые, узнав о появлении в гавани корабля из дальних стран, сбегались в порт послушать рассказы мореходов. Конечно, боспоряне стремились рассмотреть редкостное судно и пообщаться с его командой. Об этом сейчас стало известно из раскопок нимфейского святилища богов, покровительствовавших мореплаванию. Здание и рисунки на его стене синхронны времени правления Перисада II, отправившего своих послов в Египет; имя этого царя есть среди граффити на стене святилища.

Уцелевшая часть штукатурки имеет множество надписей и рисунков, прочтенных посетителями святилища. Среди рисунков больше всего изображений кораблей: более 30 небольших парусных судов и огромный корабль с написанным на его борту наименованием ΙΣΙΣ (Исида). Рисунок египетского корабля сделан явно с натуры, и его автор хорошо знал морское дело, хотя и не обладал выдающимися художественными способностями. Он детально изобразил военную триеру, названную именем самой почитаемой богини птолемеевского Египта. Триера была снабжена двумя таранами, имела длину не менее шестидесяти метров и могла идти под парусом и на веслах. Гребцы располагались на каждой стороне в три яруса, и в каждом сидело по 27 человек [Грач 1984, с. 81- 88]. Это дает представление о необычайной величине судна и о его многочисленной команде. Последнее указывает на то, что многие боспоряне имели возможность пообщаться с приезжими из Египта.

Анализ памятников изобразительного искусства дает возможность прийти к следующим выводам. Художники зримо воплощали облик персонажей, неизвестных из окружающей действительности. Рассмотренные изображения показывают, как жители северной окраины греческой ойкумены представляли внешний вид реальных и мифических народов, о которых знали по рассказам приезжих из разных концов ойкумены и по известным с детства устным преданиям и эпическим поэмам. Иноземцы в основном включены в сцены, иллюстрирующие литературные и фольклорные произведения. Там они были персонажами, некогда воевавшими с эллинами, либо их современниками, обитавшими на краю земли. К первым относились скифы, эфиопы и амазонки, ко вторым – аримаспы, амазонки и пигмеи. В сознании жителей античных государств Северного Причерноморья реально существовавшие, но не встречавшиеся им представители народов, например, негры, находились в одном ряду с вымышленными амазонками или пигмеями, имевшими

немного общего с низкорослыми африканскими племенами. Художники мало обращались к изображениям хорошо известных варваров, таковы редкие фигуры персов и фракийцев. В этот ряд надо поставить и скифов, которых изображали преимущественно в архаический период, когда было популярно сказание об их участии в Троянской войне. Но и тогда вазы с такими сюжетами не имели широкого распространения в Северном Причерноморье. Позже греческие мастера стали реалистически представлять скифов на ювелирных изделиях. Они предназначались для отправки в Скифию, а в античных государствах предметы с такой тематикой не пользовались спросом.

В особую группу следует выделить памятники с изображением жителей Ливии. Они, действительно, играли познавательную роль, являясь для большей части населения Северного Причерноморья одним из немногих источников знаний об Африке. Изображения негров давали представление о внешнем виде эфиопов из известных с детства эпических поэм и из рассказов приезжих купцов, а привозные печати-скарабеи знакомили с особой письменностью египтян. Рисунок на стене в святилище Нимфея напоминал о визите египетского корабля «Исида» и его многочисленной команде. Изображения египетских царей и цариц давали представление о конкретных людях из далекой Ливии.

КАТАЛОГ ИЗОБРАЖЕНИЙ РЕАЛЬНЫХ И МИФИЧЕСКИХ НАРОДОВ

СКИФЫ

1. Скиф. Медальон чернофигурного килика. 520 гг. до н. э. Ольвия. Горбунова, 1970. С. 573- 574.
2. Скиф в сцене прощания воина. Чернофигурная ольпа. 510- 500 гг до н. э. Ольвия. АНО. С. 102. № 151, 2.
3. Скиф с лошадьми. Чернофигурный лекиф. 510- 500 гг до н. э. Порфмий. Вахтина, 2007. С. 55- 67. Рис. 1-3.
4. Голова всадника в скифской шапке. Обломок чернофигурного сосуда. Конец VI в. до н.э. Ольвия. Леви, 1964. С. 160. Рис. 28, 1.
5. Два воина, поражающие скифа копьями. Чернофигурная ойнохоя. Рубеж VI –V вв. до н.э. Пантикапей. АМ. № 21.
6. Скиф и два греческих всадника. Чернофигурный лекиф. Рубеж VI –V вв. до н. э. Ольвия. ОАМ. № 65. GCA. № 28.
7. Единоборство гоплита и скифа. Чернофигурный алабастр. 470 гг. до н. э. Северное Причерноморье. Горбунова, 1979. С. 37. Рис. 1; ARV. P. 268. 1641.

ФРАКИЙЦЫ И ПЕРСЫ

8. Всадник в фракийском плаще. Обломок чернофигурного сосуда. VI в. до н. э. Хора Ольвии. Рабичкин, 1951. С. 123. Рис. 28, 1.
9. Персы в сцене охоты. Лекиф с рельефными фигурами мастера Ксенофанта. 380 гг. до н.э. Пантикапей. ДБК. Табл. 45; Передольская, 1945. С. 47- 67; Скржинская, 1999. С. 121- 130.

АМАЗОНКИ

Сражения с греками

10. Поверженная амазонка. Обломок стенки чернофигурного килика. 570- 560 гг. до н. э. Пантикапей. Сидорова, 1992.. С. 218. Рис. 10 а.
11. Вооруженные амазонки рядом с конями. Фрагмент чернофигурного килика. Вторая половина VI в. до н. э. Ольвия. Леви, 1964. С. 159. Рис. 27.
12. Сражение амазонки и греческого воина. Фрагмент чернофигурного килика. Последняя четверть VI в. до н. э. Ольвия. Шауб, 1979. С. 64. Рис. 2, 5.
13. Амазонка в полном греческом вооружении. Чернофигурная ольпа. Последняя четверть VI в. до н. э. Ольвия. GCA. № 21.
14. Сражение амазонок с греками. Краснофигурный кратер. Кошарское городище. Середина IV в. до н. э. Левина, 1990. С. 130- 134; GCA. № 45.
15. Подготовка к бою амазонки с греческим героем. Краснофигурный алабастр Псиакса и Гилена. Конец VI в. до н. э. Северное Причерноморье. АП. № 5-6.
16. Сражающиеся амазонки. Фрагменты чернофигурных сосудов. Конец VI- начало V вв. до н. э. Пантикапей. Сидорова, 1992. С. 198, 209, 220. Рис. 15 а, 16, 5, 42.
17. Битва Геракла с амазонками. Чернофигурный мастоид. Конец VI в. до н. э. Березань. ОАМ. № 48; GCA. № 27.
18. Геракл, убивающий амазонку. Чернофигурная амфора. VI в. до н. э. Березань. Vogel, 1908. № 59.
19. Битва Геракла с амазонками. Чернофигурный лекиф. Первая четверть V в. до н. э. Нимфей. ДГН. № 42.

20. Конная амазонка. Фрагмент краснофигурного килика. 460 гг. Фанагория. Кобылина. 1969. С. 101.
21. Сражение двух конных амазонок и грека. Фрагмент краснофигурного кратера. Первая половина IV в. до н. э. Керкинетида. Кутайсов, 1992. С. 128.
22. Сражение амазонок с греками. Краснофигурная пелика. 360-350 гг. до н. э. Нимфей. UKV. № 374.
23. Сражающаяся амазонка. Кусок ткани женского одеяния. Середина IV в. до н.э. Павловский курган близ Пантикапея. Герцигер, 1973. С. 80. Рис. 10.
24. Сражение греков с амазонками. Краснофигурная пелика. Последняя четверть IV в. до н.э. Боспор. Тугушева, 2001. С. 222.
25. Битва амазонки с двумя греками и поверженные амазонка и грек. Две аналогичные краснофигурные пелики. Конец IV в. до н. э. Ольвия. АМ. № 52; Козуб 2001. С. 32.
26. Сражение амазонок с греками. Восемь краснофигурных пелик. Середина IV в. до н. э. Пантикапей. ДБК. Табл. 59; ПБП. Рис. 3, 10, 14; UKV № № 372, 373, 375, 376, 377, 378, 449; Тугушева, 2001. Рис. 2- 6; На краю ойкумены, 2002. № 39.
27. Амазонка на биге, сражающаяся с пешим греком. Краснофигурная пелика. Середина IV в. до н. э. Пантикапей. ОАК, 1906. С. 88.
28. Сражение амазонок с греками. Краснофигурный кратер. Кошарское городище. Середина IV в. до н. э. Левина, 1990. С. 130- 134; GCA. № 45.
29. Сражение пеших амазонок и греков. Рельефы на двадцати бронзовых фаларах. Вторая половина IV в. до н. э. Курган Большая Близница (Тамань). Трейстер, 2001. С. 241- 263.
30. Сражение амазонок с греками. Краснофигурная амфора. 335-330 гг. до н. э. Зеленский курган (Тамань). ИАК. № 60. С. 23. Рис. 5; UKV № 1.
31. Сражение амазонок с греками. Краснофигурная гидрия. Пантикапей. IV в. до н. э. ДБК. Табл. 51.
32. Обороняющаяся пешая амазонка. Обломок краснофигурного сосуда. IV в. до н. э. Тира. Буравчук, Самойлова, 1983. С. 156. Рис. 3, 3.
33. Бой грека и амазонки. Полихромная пелика местного производства. Конец IV- III вв. до н. э. Фанагория. Кобылина, 1956. С. 51. Рис. 16; АП. № 98.
34. Сражение амазонок с греками. Фрагмент известнякового рельефа. III в. до н. э. Херсонес. Домбровский, 1997. С. 35- 42.
35. Поверженная амазонка. Мраморная статуя, украшавшая фронтон здания. III- II вв. до н. э. Пантикапей. Античная скульптура, 2004. № 70.

Сражения амазонок с грифонами

36. Поединок амазонки и грифона. Фрагмент краснофигурного кратера. Начало IV в. до н.э. Горгиппия. Кругликова, 1971. С. 95. Рис. 4; Цветаева, 1986. С 85. Рис. 7.
37. Амазонки, сражающиеся с грифонами. Краснофигурная пелика. Середина IV в. до н. э. Тира. Вдовиченко, 2003. С. 490. № 1000.
38. Поединок амазонки и грифона. Три краснофигурных пелики. Вторая половина IV в. до н. э. Северное Причерноморье. Кобылина, 1947. С. 141. Рис. 3, 1; С. 153., Рис. 10, 4.
39. Поединок амазонки и грифона, сторожащего золото. Краснофигурный лекиф. Вторая четверть IV в. до н. э. Пантикапей. ГЗ. С. 159. Рис. 49.
40. Поединок конной амазонки и грифона. Фрагмент краснофигурного кратера. Третья четверть IV в. до н.э. Пантикапей. Лосева, 1962. С. 178. Рис. 6; Вдовиченко, 2003. С. 452. № 199.

Скржинская М.В. Реальные и мифические народы...

41. Конная амазонка, сражающаяся с грифоном. Фрагмент краснофигурной пелики. 330-320 гг. до н. э. Херсонес. Вдовиченко, 2003. С. 468. № 550.
42. Сражение двух амазонок с грифоном. Три краснофигурных пелики. Вторая половина IV в. до н. э. Пантикапей. ПБП. С. 157. Рис. 11,1; 12, 2; На краю ойкумены, 2002. С. 29. № 40.
43. Пешая амазонка, сражающаяся с грифоном. Фрагменты двух краснофигурных пелик. Конец IV в. до н. э. Херсонес. Вдовиченко, 2003. С. 468. № 566, 571.
44. Сражение амазонки на биге с двумя грифонами. Краснофигурная пелика. Конец IV в. до н. э. Пантикапей. ПБП. С. 144; UKV № 453.
45. Сражение амазонок с грифонами. Золотой калаф. 330-300 гг. до н. э. Курган Большая Близница на Тамани. ГЗ. № 203.
46. Грифон и поверженная амазонка. Рельефное украшение бронзового таза. Тамань. Эллинистический период. Анфимов, 1966. С. 19.

Протомы амазонок, коней и грифонов.

47. Голова амазонки и секира. Краснофигурный лекиф. IV в. до н. э. Ольвия. ИАК № 8. С. 28; Козуб, 1974. С. 98.
48. Головы амазонки и коня. Краснофигурная пелика. IV в. до н. э. Ольвия. Харалдина, Новичихина, 1994. С. 301.
49. Головы амазонки и коня. Краснофигурная пелика. 330-320 гг. до н. э. Пантикапей. Вдовиченко, 2003. С. 446. № 56; Шталь, 2000. С. 78. № 142.
50. Головы амазонки и коня. Краснофигурная пелика. Конец IV в. до н. э. Горгиппия. Цветаева, 1980. С. 86. Рис. 8.
51. Голова амазонки и грифон. Две крышки краснофигурных лекан. Середина IV в. до н. э. Тиритака. Шталь, 2004. № 64, 67.
52. Голова амазонки и лежащий грифон. Крышка краснофигурной леканы. Вторая четверть IV в. до н. э. Херсонес. Шталь, 2004. № 66.
53. Головы амазонки и грифона. Три краснофигурных пелики. Вторая половина IV в. до н. э. Пантикапей. ПБП. С. 153. Рис. 10, 3, 5; С. 144. Рис. 6, 1.
54. Две головы амазонок и две головы грифонов. Крышка краснофигурной леканы. IV в. до н. э. Пантикапей. АМ. № 51.
55. Головы амазонки и грифона. Обломок крышки краснофигурной леканы. IV в. до н. э. Поселение на м. Зюк (Боспор). Шталь, 2004. № 63.
56. Головы амазонок, грифона и коня. 16 краснофигурных пелик. Середина IV в. до н. э. Пантикапей. ПБП. С. 139. Рис. 2, 2; С. 158. Рис. 11. АРК. № 52; Вдовиченко, 2003. С. 445-448. № 31-40, 78, 81, 87, 91.
57. Головы амазонки, грифона и коня. Краснофигурная пелика 350-325. Нимфей. Силантьева, 1959. С. 47. Рис. 22; ДГН. № 72; UKV. № 464.
58. Головы амазонки, грифона и коня. Краснофигурная пелика. 330-320 гг. до н. э. Мирмекий. Вдовиченко, 2003. С. 446. № 63.
59. Головы амазонки, грифона и коня. Краснофигурная пелика. 330-320 гг. до н. э. Феодосия. Вдовиченко, 2003. С. 487. № 960.
60. Головы амазонки, грифона и коня. Краснофигурная пелика. 330-320 гг. до н. э. Ольвия. Вдовиченко, 2003. С. 492. № 1030.
61. Голова амазонки между обращенных к ней в профиль грифонов. Краснофигурная пелика. 330-320 гг. до н. э. Херсонес. Шталь, 2000. С. 67. № 106.

АРИМАСПЫ.

62. Грифон, нападающий на конного аримаспа. Краснофигурная пелика. 360- 350 гг. до н.э. Нимфей. ДГН. № 75.
63. Конный аримасп, сражающийся с грифоном. Одиннадцать краснофигурных пелик. Третья четверть IV в. до н. э. Пантикапей. ПБП. С. 143. Рис. 4; АРК. № 51; UKV. № 411, 456, 545; Вдовиченко, 2003. С. 445. № 15- 22, 101.
64. Пеший аримасп, сражающийся с грифоном. Четыре краснофигурных пелики. Вторая половина IV в. до н. э. Пантикапей. ПБП. С. 144. Рис. 6, 4. UKV № 420- 423.
65. Три аримаспа, сражающиеся с грифоном. Краснофигурная пелика. 350- 330 гг. до н. э. Тира. Вдовиченко, 2003. С. 490. № 1002.
66. Пеший аримасп без шапки, сражающийся с грифоном. Фрагмент краснофигурной пелики. 330- 320 гг. до н. э. Тира. Вдовиченко, 2003. С. 490. № 1001.
67. Конный аримасп, сражающийся с грифоном. Краснофигурная пелика. 330- 320 гг. до н.э. Феодосия. Вдовиченко, 2003. С. 488. № 965.
68. Два грифона, нападающие на конного аримаспа. Три краснофигурные пелики. 330- 320 гг. до н. э.. Пантикапей. Вдовиченко, 2003. С. 444. № 8-10.
69. Грифон, обороняющийся от нападения двух пеших аримаспов. Три краснофигурные пелики. Вторая половина IV в. до н. э. Пантикапей. UKV. № 408, 539; Вдовиченко, 2003. С. 445. № 25.
70. Грифон, обороняющийся от нападения двух аримаспов. Краснофигурная пелика. Вторая половина IV в. до н. э. Горгиппия. UKV. № 455.
71. Два аримаспа, убегающие от львиноголового грифона. Две краснофигурные пелики. Вторая половина IV в. до н. э. Пантикапей. UKV. № 360, 381; Шталь, 1989. С. 145.
72. Аримасп верхом на грифоне. Краснофигурная пелика. Вторая половина IV в. до н. э. Пантикапей. Ашик, 1849. Т. 3. № 18; ОАК 1861. Табл. 2.
73. Аримасп, сражающийся с грифоном. Обломок краснофигурной пелики. Вторая половина IV в. до н. э. Тира. Буравчук, Самойлова. 1983. С 156. Рис. 3, 1.

ПИГМЕИ

74. Пигмей, упавший на спину. Фрагмент краснофигурного ритона. 460 гг. до н. э. Пантикапей. Лосева, 1962. С. 172. Рис. 3, 3; CVA Russia, 2001. P. 41. Tab. 37, 4.
75. Битва четырех пигмеев с тремя журавлями. Краснофигурная пелика. 380- 370 гг. до н.э. Пантикапей. ДБК. Табл. 55; UKV. № 383; Шталь, 1989. С. 87.
76. Два пигмея, сражающиеся с журавлем. Краснофигурная пелика. 370- 360 гг. до н. э. Пантикапей. Шталь, 2000. № 98.
77. Пигмей, сражающийся с двумя журавлями. Краснофигурная пелика. 360- 350 гг. до н.э. Пантикапей. UKV. № 450.
78. Пигмей, сражающийся с двумя журавлями. Краснофигурная пелика. 330-320 гг. до н.э. Мирмекий. Шталь, 2000. № 101.
79. Пигмей, сражающийся с двумя журавлями. Краснофигурная пелика. 320 гг. до н. э. Феодосия. Шталь, 2000. № 100; Вдовиченко, 2003. С. 488. № 972.
80. Журавль, сражающийся с пигмеем. Мегарская чашка. Эллинистический период. Оливия. Zahn, 1908. S. 74-76.
81. Битва пигмеев с журавлями. Фреска в склепе некрополя Пантикапея. II- I вв. до н. э. АДЖ. № 145.

НЕГРЫ

82. Голова негра. Египетская печать- скарабеоид. VI в. до н. э. Березань. Борисфен- Березань, 2005. № 205.
83. Сидящий негр. Два фигурных сосуда. Начало V в. до н. э. Ольвия. Худяк, 1940. С. 95. Рис. 76.
84. Голова негра. Фигурный сосуд. Начало V в. до н. э. Ольвия. Хора Ольвии. Крыжицкий, Буйских и др., 1989. С. 134.
85. Голова негрятки. Фигурная ойнохоя. Начало V в. до н. э. Нимфей. Горбунова, 1962. С. 39.
106. Сражающийся негр в фракийском костюме. Краснофигурный канфар. Начало V в. до н. э. Пантикапей. *SVA Russia*. 2001. P. 42-43. Tab. 37.5.
87. Негры со скифским оружием. Два чернофигурных лекифа. Первая четверть V в. до н. э. Пантикапей. Горбунова, 1979. С. 37-39. Рис. 1 и 3.
88. Спящий негр. Терракота. Первая половина V в. до н. э. Ольвия. *GSA*. № 66.
89. Голова негра. Золотые подвески к ожерелью, исполненные боспорским мастером. Середина IV до н. э. Копейкина, 1986. С. 61.
90. Голова негра. Подвеска к золотому ожерелью, сделанная из граната. IV- III вв до н. э. Пантикапей. На краю ойкумены...2002. С. 55. № 173.
91. Рельефные головки негров на ручках керамического кубка. III в. до н. э. Ольвия. *ИАК*. №. 8. С. 38. Рис. 30.
92. Слуга- негр, сидящий около амфоры. Фигурный сероглиняный сосуд. II- I вв. до н. э. Ольвия. Круглов, 2004. С. 104- 108. Рис. 1.
93. Голова мальчика негра. Четыре фигурных сосуда. I в. н. э. Ольвия. Пантикапей. Герцигер, 1976. С. 86. Рис. 1, 1- 4.
94. Голова негра. Два фигурных сосуда. II- III вв. н. э. Ольвия. Герцигер, 1976. С. 91. Рис. 2, 3- 4.

ПОРТРЕТЫ ЕГИПЕТСКИХ ЦАРЕЙ И ЦАРИЦ III в. до н. э.

95. Птолемей II Филадельф. Бронзовый перстень. Пантикапей. Неверов, 1974. С. 108.
96. Птолемей II Филадельф. Бронзовый перстень. Фанагория. Неверов, 1974. С. 108.
97. Птолемей II Филадельф. Бронзовый перстень. Херсонес. Неверов, 1974. С. 108.
98. Птолемей III Эвергет. Бронзовый перстень. Горгиппия. Неверов, 1974. С. 109.
99. Арсиноя II, жена Птолея II Филадельфа. Бронзовый перстень. Горгиппия. Неверов, 1974. С. 109.
100. Арсиноя II, жена Птолея II Филадельфа. Бронзовый перстень. Ольвия. Неверов, 1974. С. 109.
101. Арсиноя II, жена Птолея II Филадельфа. Бронзовый перстень. Херсонес. Неверов, 1974. С. 110.
102. Арсиноя II, жена Птолея II Филадельфа. Костяной перстень. Ольвия. Неверов, 1974. С. 109.
103. Арсиноя II, жена Птолея II Филадельфа в образе Исиды. Голова статуи из черного базальта. Середина III в. до н. э. Пантикапей. Виноградов, Золотарев, 2000. С. 286.
104. Береника, жена Птолея III Эвергета. Бронзовый перстень. Пантикапей. Неверов, 1974. С. 110.
105. Арсиноя III, жена Птолея IV Филопатера. Семь бронзовых перстней. Пантикапей. Неверов, 1974. С. 111.
106. Арсиноя III, жена Птолея IV Филопатера. Бронзовый перстень. Нимфей. Неверов, 1974. С. 111.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В.П.* Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Одесса, 2007.
- Алексеева Е.М.* Предметы из египетского фаянса VI- IV вв. до н. э. в Северном Причерноморье // КСИА. 1972. № 130.
- Античная* расписная керамика из собрания Гос. Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М., 1985 (АРК)
- Античная* скульптура. Из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника. Киев, 2004. (АС)
- Анфимов Н.В.* Комплекс бронзовых предметов из кургана близ станции Темижбекской // Культура античного мира. М., 1966.
- Ашик А.* Боспорское царство. Ч. 3. Сено, 1849.
- Большаков А.О., Ильина Ю.И.* Египетские скарабеи с острова Березань // ВДИ. 1988. № 3.
- Борисфен* — Березань. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. Каталог выставки в Гос. Эрмитаже. СПб., 2005.
- Боспорский* рельеф со сценой сражения (амазономахия?). Ред. Е.А Савостина. М., СПб. 2001.
- Буравчук Н.П., Самойлова Т.Л.* Краснофигурная керамика Тиры // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Киев, 1983.
- Вахтина М.Ю.* Фрагмент чернофигурного аттического лекифа с изображением «скифского лучника» из раскопок Порфмия // Из истории античного общества. Нижний Новгород, 2007. Вып. 9- 10.
- Вдовиченко И.И.* Керченские вазы // Боспорские исследования. Симферополь, 2003. Т. 3.
- Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И.* Божественная египетская триада в Херсонесе Таврическом // Сиссития. Сборник статей памяти Ю. В. Андреева. СПб., 2000.
- Виппер Б.Р.* Искусство древней Греции. М., 1972.
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.-Л., 1949. (БЦ)
- Герцигер Д.С.* Античные ткани в собрании Эрмитажа // Памятники античного прикладного искусства. Л., 1973.
- Горбунова К.С.* Аттические вазы в форме человеческих голов из собрания Эрмитажа // Труды Гос. Эрмитажа. 1962. Т. 7.
- Горбунова К.С.* Килик Олтоса из раскопок Ольвии в 1968 г. // Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock. 1970. № 19.
- Горбунова К.С.* Аттические алабастры, найденные в некрополях Северного Причерноморья // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979. С. 37-48.
- Грач Н. Л.* Открытие нового исторического источника в Нимфее // ВДИ. 1984. № 1.
- Домбровский О.И.* Об одном из декоративных рельефов Херсонесского античного театра // Археология Крыма. 1997.
- Древний* город Нимфей. Каталог выставки. СПб., 1999. (ДГН)
- Древности* Боспора Киммерийского. СПб., 1854. (ДБК)
- Иванчик А.И.* Кем были «скифские лучники» на аттических вазах эпохи архаики // ВДИ. 2002. № 3. С. 33- 55; № 4.
- Иванчик А.И., Самойлова Т.Л.* Синкретические культы греко- египетских богов в Тире // Боспорский феномен. СПб., 2007. Ч. 2.
- Клейман И.Б.* Статуэтки из Тиры // Терракоты Северного Причерноморья. М., 1970.
- Кобылина М.М.* Краснофигурная пелика Ялтинского музея // КСИИМК. 1947. № 14.
- Кобылина М.М.* Поздние боспорские пелики // МИА. № 19. 1951.
- Кобылина М.М.* Фанагория. // МИА № 57. М., 1956.
- Козуб Ю. I.* Некрополь Ольвии V- IV ст. до н. е. Київ, 1974.
- Козуб Ю.И.* Культурный комплекс западной окрестности Ольвии // Боспорский феномен. СПб., 2001.
- Копейкина Л.В.* Золотые бляшки из кургана Куль- Оба // Античная торевтика. Л., 1986.
- Круглов А.В.* Необычные античные вазы // Боспорский феномен. СПб., 2004.

Скржинская М.В. Реальные и мифические народы...

- Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрепко В.М.* Сельская округа Ольвии. Киев, 1989.
- Кутайсов В.А.* Керчинитида. Симферополь, 1992.
- Леви Е.И.* Материалы Ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. М.-Л., 1964.
- Левина Е.А.* Кратер керченского стиля из Кошарского поселения // Древнее Причерноморье. Одесса, 1990.
- Литвиненко Ю.Н.* Птолемеевский Египет и Северное Причерноморье в III в. до н. э. // ВДИ. 1991. № 1.
- Лосева Н.М.* Аттическая краснофигурная керамика Пантикапея из раскопок 1945-1958 гг. // МИА, 1962. № 103.
- Лукьянов С.С., Гриневич Ю.П.* Керченская кальпида 1906 г. и поздняя краснофигурная живопись // МАР. № 35. 1915.
- На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского.* Каталог выставки. М., 2002.
- Неверов О.Я.* Группа эллинистических бронзовых перстней из собрания Эрмитажа // ВДИ. 1974. № 1.
- Передольская А.А.* Вазы Ксенофанта // Труды Отдела истории искусств и античного мира Гос. Эрмитажа. Вып. 1. Л., 1945.
- Петерс Б.Г.* Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1982.
- Пиотровский Б.Б.* Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза // СА. 1958. № 1.
- Рабицкий Б.М.* Поселение у Широкой Балки // КСИИМК. 1951. № 4.
- Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913.
- Русяева А.С.* Религия понтийских эллинов в античную эпоху. Киев, 2005.
- Сидорова Н.А.* Чернофигурная сенофон из раскопок Пантикапея // Сообщения ГМИИ, 1992. № 10.
- Скржинская М.В.* Афинский мастер сенофонт. // ВДИ, 1999. № 3.
- Скудниова В.М.* Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988. (АНО)
- Соколов Г.И.* Античное Причерноморье. Л., 1973. (АП)
- Соломоник Э.И.* Некоторые группы граффити из античного Херсонеса // ВДИ. 1976. № 3.
- Трейстер М.Ю.* Боспор и Египет в III в до н. э. // ВДИ 1985. № 1.
- Трейстер М.Ю.* Тема амазономахии в торевтике поздней классики // Боспорский рельеф со сценой сражения. М., 2001.
- Тугушева О.В.* Сцены амазономахии на боспорских пеликах // Боспорский рельеф со сценой сражения. М., 2001.
- Уильямс Д., Огден Д.* Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V-IV вв. до н.э. СПб., 1995. (ГЗ)
- Фармаковский Б.В.* Архаический период в России // Материалы по археологии России. № 34. 1914.
- Харалдина З.Е., Новичихина А.М.* Античные коллекции Анапского музея // ВДИ. 1994. № 2.
- Худяк М.М.* Терракоты // Ольвия. Л., 1940.
- Цветаева Г.А.* Расписная керамика из Горгиппии // Горгиппия. Т. I. Краснодар, 1980.
- Черненко Е.В.* Скифские лучники. Киев, 1981.
- Шауб И.Ю.* Афинская чернофигурная керамика с изображением сфинксов // КСИА. 1979. № 159.
- Шталь И.В.* Эпические предания древней Греции. М., 1989.
- Шталь И.В.* Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой росписи по музеям Российской Федерации и стран СНГ. (Пелики IV в. до н.э. Керченский стиль). М., 2000.
- Штительман Ф.М.* Античне мистецтво. Київ, 1977.
- Шургая И.Г.* Вопрос боспоро-египетской конкуренции в хлебной торговле Восточного Средиземноморья раннеэллинистической эпохи // КСИА. 1974. № 138.
- Яйленко В.П.* Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм. Экономика, политика, культура. М., 1990.
- Яценко С.А.* Костюм Скифии в архаическое и классическое время: к вопросу об этнических изменениях // Античная цивилизация и варварский мир. Материалы 7-го археологического семинара. Краснодар. 2000.

- Boardman J.* Athenian Black-Figure Vases. London, 1985.
Bothmer D. Amazones in Greek Art. Oxford, 1957.
Corpus vasorum antiquorum. Russia. Pushkin State Museum Fine Arts. Moskow. 1996.
Frank K.M., Snowden J. Ancient views of Nubians // Expedition. V. 35. 2. 1993.
Greek and Cypriote Antiquities in the Archaeological Museum of Odessa. Nicosia, 2001. (GCA)
Ridgway B.S. Hellenistic Sculpture III. The Styles of 100-31 B.C. London, 2002.
Skeat T. C. Zenon Archive. № 1973 // Greek Papyri in British Museum. T.7. London, 1974.
Scheffold K. Untersuchungen zu den Kertschen Vasen // Archäologische Mitteilungen aus russischen Sammlungen. Berlin- Leipzig, 1934. Bd. 4. (UKV)
Vogell A. Griechische Altertümer südrussischen Fundorts aus dem Besitze A. Vogell. Karlsruhe, Kassel, 1908.
Vos M.F. Scythian Archers in Archaic Vase- Painting. Groningen, 1963.
Zahn R. Hellenistische Reliefgefäße aus Südrussland // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. Berlin, 1908. № 23.

M.V. Skrzhinskaya

REAL AND MYTHICAL PEOPLES IN REPRESENTATIONS ON ART MONUMENTS
FROM ANCIENT NORTH PONTIC AREA CITIES
(the 6th-the 4th century BC)

Summary

Foreigners on the antique monuments from the north Pontic area cities are included in the scenes illustrating literature and folklore creations. They were the characters who fought against Hellenoi or their contemporaries dwelling at the world's end in the old days. Scythians, Ethiopians and Amazons belonged to the first; Arymaspians, Amazons and pygmies belonged to the second ones. Citizens of the North Pontic area states ranked unknown nations, e.g. Negroes, with imaginary Amazons and pygmies. There are almost no representations of well known barbarians; figures of Persians and Thracians are rare; images of Scythians are not numerous. The latter appeared in archaic period predominantly, when the legend of their participation in the Trojan War was popular. Representations of Libya people can be singled out in a separate group. They played a cognitive role for the majority of the north Pontic area population being one of a few knowledge sources about Africa.